

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ВОЕННО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ В МАНЬЧЖУРИЮ И КОРЕЮ В КОНЦЕ XIX В. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНЫХ АРХИВОВ)

В настоящей статье предпринимается попытка анализа повседневности военно-исследовательских экспедиций в Маньчжурию и Корею, осуществленных при участии офицера Генерального штаба М. А. Соковнина в конце XIX в.

Ключевые слова: военно-исследовательские экспедиции, Маньчжурия, Корея, повседневность, М. А. Соковнин.

Изучение биографий российских путешественников и историй экспедиций, организованных в страны Востока, всегда находились в фокусе интересов как ученых, так и популяризаторов науки. На сегодняшний день существует обширный корпус текстов, повествующих о жизни и путешествиях Н. М. Пржевальского, Г. Н. Потанина, М. В. Певцова, Г. Е. Грумм-Гржимайло, Б. Л. Громбчевского, П. К. Козлова, В. А. Обручева и других. Отметим, что многие известные путешественники состояли на военной службе. Однако, как отмечает отечественный историк Е. В. Бойкова, «существовала еще одна, довольно большая, группа российских исследователей, вклад которых в науку (...) до настоящего времени мало изучен» [Бойкова, 2014, с. 10]. Речь идет об экспедициях в сопредельные страны, организованных военным ведомством и возглавляемых офицерами.

«Характер военной службы (последних. – Е. Н.) не позволял им заниматься сбором сведений только об одной стране, последовательно углубляя свои знания о ней. Это были старшие и младшие офицеры, служившие в царской армии, цель которых заключалась в быстром и максимально объективном исследовании той или иной страны для дальнейшего изучения ее значения с точки зрения общей стратегической линии России» [Там же].

В конце XIX в. в страны Дальнего Востока было направлено несколько десятков российских военно-исследовательских экспедиций. Так, например, в течение двух последних десятилетий XIX в. Корею, заметим – не самое популярное направление, посетили экспедиции под руководством Генерального штаба подполковника Вебеля (1889), Генерального штаба полковника И. И. Стрельбицкого (1895), помощ-

ника старшего адъютанта отчетного отделения штаба Приамурского военного округа А. Г. Лубенцова (1895, 1897–1898), Генерального штаба подполковника В. А. Альфтана (1895–1896 гг.), Генерального штаба капитана М. А. Соковнина (1896), Генерального штаба полковника В. П. Карнеева и поручика Михайлова (1895–1896), подполковника барона Н. А. Корфа и ротмистра А. И. Звегинцова (1898), Генерального штаба подполковника В. А. Орановского (1898–1899).

Основная задача заключалась в поверстном описании маршрута, особое внимание уделялось фиксации орографических, геологических и климатических особенностей местности, населенным пунктам, имеющимся путям сообщения, сбору этнографических, политических и историко-культурных данных. Если была возможность вести топографическую съемку, то еще одним результатом могло стать составление карты-схемы. Степень огласки результатов и материалов таких экспедиций была различной: некоторые не публиковались никогда, к другим доступ был ограничен, иногда материалы отчетов становились доступны широкой публике, появляясь в журналах Императорского Русского географического общества, «Военном сборнике» и других изданиях.

Рассмотрим наименее изученные среди корейских и маньчжурских экспедиций 90-х гг. XIX в. экспедиции с участием капитана генерального штаба М. А. Соковнина: в Корею (с 14 октября 1895 г. по 15 апреля 1896 г.) и в Маньчжурию (с 3 сентября 1897 г. по 1898 г.). Как справедливо отмечает Е. В. Бойкова, «Научные “военные” экспедиции второй половины XIX – начала XX века можно условно разделить на два типа: проводившиеся под руководством офицеров и с участием военных» [Бойкова, 2014, с. 41–42]. Экспедиция в Корею и экспедиция в Маньчжурию – это типологически разные экспедиции: «маньчжурская» может быть отнесена к «смешанному типу», а «корейская» – к типу «военно-научной» экспедиции.

Источниками являются отчеты, рапорты, путевые дневники, мемуары М. А. Соковнина и его помощника в корейской экспедиции Н. Д. Кузьмина, хранящиеся в фондах РГВИА. Основной акцент будет сделан не на описании результатов, а на повседневности экспедиций. Повседневность интересна тем, что, с одной стороны, это бытовая рутина, которая алгоритмизирована и систематизирована, т. е. определенным образом организованная среда, позволяющая людям помимо прочего ставить цели, выполнять задачи и двигаться вперед. С другой стороны, повседневность включает в себя эмоциональные реакции, поведенческие паттерны, которые демонстрирует человек в той или иной ситуации. Анализ такого феномена как «повседневность зарубежных военно-научных экспедиций» представляется и значимым

и интересным как для уточнения понимания макроисторических, так и микроисторических процессов. В данном случае понимание истории повседневности близко к интерпретации, обращающейся к «микроистории обычных, незаметных, типичных для своего времени и социального слоя индивидов» [Пушкарева, Любичанковский, 2014, с. 11].

«Корейская» экспедиция была отправлена для проверки слухов о японской оккупации некоторых районов Кореи. Исходя из задач, ее маршрут был выстроен следующим образом: морем до Фусана (Пусана), оттуда пешком до Сеула, из Сеула в Гензан (Вонсан) и через Японию, морем во Владивосток. Численность экспедиции была невелика: руководитель – капитан генерального штаба М. А. Соковнин, помощник руководителя – поручик 7-го Восточно-Сибирского Стрелкового батальона Н. Д. Кузьмин; участники – казаки 1-го Забайкальского полка Чугуевский, Рыбаков, Федурин, Циримпилов; два переводчика – русскоподданные корейцы Иван и Виктор Ким. В Корею после покупки лошадей были наняты местные конюхи, а потом и кули. Таким образом, численность экспедиционного отряда увеличивалась еще на 8–12 человек. Отряд на протяжении значительной части пути сопровождал корейский чиновник, который зачастую разрешал возникавшие затруднения.

Хотелось бы обратить внимание на малочисленность военно-исследовательской экспедиции. Формат – один-два офицера и четыре казака – становится наиболее характерным для этого типа «научных рекогносцировок» на Дальнем Востоке. Именно его рекомендовал Н. М. Пржевальский в книге «От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима», служившей руководством для офицеров, совершавших военно-научные экспедиции за пределы границ империи. Пржевальский писал:

«Для недалеких исследований в сопредельных нашей Сибири частях Монголии и даже в большей части этой страны, где народ вообще смиренный и притом к русским весьма расположенный, достаточно при начальнике экспедиции с его помощником четырех казаков, а для исследований на специальных станциях – и того менее» [Пржевальский, 1888, с. 5].

Маньчжурская экспедиция была совершена в 1897–1898 гг. в рамках инспекции участков проектируемой КВЖД. Возглавлял экспедицию А. И. Югович, его сопровождали чиновники из высшей администрации строящейся дороги С. В. Игнациус и Полетика. Хозяйством, обозом и обслуживающим составом заведовал офицер запаса Мосо-

лов. Жизнедеятельность экспедиции обеспечивали 11 человек прислуги и конюхов (трое русских, шестеро китайцев и два корейца). В составе экспедиции был медик – фельдшер Сережин. За коммуникацию с местным населением отвечал переводчик главного инженера – китаец Лю, отлично говоривший по-французски и по-английски [РГВИА. Ф. 274, оп. 1, д. 60, л. 15]. Кроме того, к экспедиции присоединился Цайлин-би, главный подрядчик по земляным работам [Нилус, 1923, с. 51]. Таким образом, экспедиция насчитывала более тридцати человек.

В районах, где действовали шайки хунхузов, к экспедиции прикомандировывались китайские военные отряды. Соковнин был назначен начальником охраны всех изысканий. Во время экспедиции под его непосредственным началом находилось десять стрелков и шесть вольнонаемных уссурийских казаков, обеспечивавших охрану экспедиции; кроме того, он должен был проверить условия службы нескольких сотен солдат, размещенных на строительных участках в Маньчжурии. Здесь у Соковнина совершенно другая роль: с одной стороны он обеспечивал безопасность экспедиционного отряда, а с другой – должен был проинспектировать жизнь и службу своих подчиненных.

В путевых дневниках М. А. Соковнина (первая и вторая экспедиции) и Н. Д. Кузьмина (первая экспедиция) жизнь описывается через определенный хронотоп, в рамках которого качество прожитого дня определялось количеством пройденных верст. Обязательно маркируется место выхода и место ночевки с указанием пройденного расстояния.

Собственно, дни, в которые не встречаются крупные населенные пункты, проживаются по определенному алгоритму. В корейском походе он был таков: подъем (обычно в 5.30 – 6 утра), навьючивание лошадей, сбор лагеря (на это уходило час-полтора), четырехчасовой переход (во время которого в «корейском» походе, если позволяли обстоятельства Кузьмин занимался топографической съемкой, если нет, то вел заметки). Около 11–12 часов дня устраивали двухчасовой привал, во время которого завтракали. Для этого старались найти какой-нибудь постоянный двор.

Казаки разводили костры, кипятили воду для чая, корейские конюхи в ожидании завтрака грелись у огня, курили длинные трубки. Соковнин и Кузьмин питались отдельно (в комнате). Обычно на завтрак был чай с галетами, холодное мясо, а «большой частью дичина, в которой (...) недостатка не было» [РГВИА, ф. 274, оп. 1, д. 49. л. 29об.]. Лошадей на привале развьючивали, расседывали и кормили, затем седлали, навьючивали и отправлялись далее. Если позволяли условия, то охотились.

Дневной переход старались завершить до захода солнца, около 17–18 часов вечера останавливались на ночевку. «Багаж сносился под какой-нибудь навес» или размещался в комнатах членов экспедиции. Лошадей оставляли на конюшне [Там же]. После того, как размещение отряда было закончено, казаки готовили ужин, который состоял обыкновенно «из супа или шей, сваренных из дичи или консервов, каши и чая. Нередко в одном и том же котле (...) варились фазан и утка, а когда бульон был готов, то туда же добавлялась одна банка войсковых консервов: щи с мясом и кашей¹» [Там же, л. 30].

После ужина, около 21.00, все, кроме дежурных, ложились спать. Дежурили парами: один казак и один корейский конюх (мафу). Во время таких дежурств завязывались продолжительные разговоры. Соковнин описывает их так:

«Говорили каждый на своем языке, причем казак невозможно переведал слова, полагая, вероятно, что таким образом собеседник поймет его. Нередко эти разговоры, прерываемые смехом, длились целыми часами. Иногда казак обучал корейца русскому языку и наоборот. В общем между казаками и мафу существовало полное согласие и дружба: они делились табаком, один другого угощал местными сладостями, играли в чехарду, и ни одно облако не нарушило этой дружбы; при окончании же путешествия, при расставании некоторые мафу плакали» [Там же, л. 30–30об.].

Соковнин спросил у казаков «Что же, жалко вам расставаться с корейцами?» На что получил ответ: «Так точно, Ваше высокородие, уж очень хорошие мафы попались» [Там же].

¹ Для обеспечения эффективности и автономности экспедиций все необходимое старались по максимуму приобрести в России. Для «корейской экспедиции» провиант, вооружение и инвентарь были частью закуплены, частью получены со складов. С собой везли войсковые консервы, американские галеты, спирт, свечи, чай, сахар, «различные безделушки для подарков корейцам» как обозначил этот вид груза Соковнин, походную аптеку, запас обуви, белья, фонарей, чайников, котелков, седла, полушубки, 12 брезентовых сум, сшитых по кавказскому образцу для перевозки грузов на выюках. Вооружение составляли четыре трехлинейные винтовки с 50 патронами на каждую, «Винчестер», две дустволки, два револьвера и четыре небольших топора. Соковнин во всех путешествиях и экспедициях очень внимательно относился к подбору обмундирования, поэтому казаков он «одел в рубахи из верблюжьего сукна» [РГВИА, ф. 274, оп. 1, д. 56, л. 174об.], а всю одежду, которая могла бы понадобиться в городе отправил морем из Пусана в Сеул. Однако, так как в Корею заброска отряда осуществлялась морем, то лошадей пришлось покупать уже на месте. Для маньчжурской экспедиции снаряжение и инвентарь готовил в приграничной Полтавке Мосолов. Соковнин отмечал, что он сделал удачный выбор, взяв для экспедиции брезентовые палатки, сделанные на фабрике известного во всей России петербургского мастера И. Г. Кебке. «Эти палатки следовали с нами во время поездки и служили хорошим убежищем и в дождь, и в морозы» [Там же, д. 60, л. 16]. Для передвижения были куплены 64 лошади.

Логистика маньчжурского похода была сложнее: участникам экспедиции пришлось преодолевать расстояния и пешком, и верхом, и в тарансах, сплавляясь по р. Сунгари, что вносило свои коррективы, однако в целом логика и распорядок дня повторяют «корейский» вариант. Соковнин, когда появлялась возможность, вел топографическую съемку, проверяя карту Анерта [РГВИА. Ф. 274, оп. 1, д. 50, л. 17об., 18об., 19].

Приход экспедиции в город или крупную деревню возвращал участников похода к другой жизни: бытовые условия улучшались, но возникали определенные сложности. Во-первых, отряд притягивал внимание любопытствующих, иногда собиравшихся в значительном количестве. «На ночлег во двор по обыкновению набилась толпа корейцев» [Там же, д. 49, л. 34об.]. Навязчивое, но не агрессивное любопытство рождало специфическую коммуникативную ситуацию. С одной стороны хотелось избавиться от чужих взглядов, с другой – при определенных обстоятельствах легко завязывался контакт с местными жителями.

Так, в одной из деревень вблизи г. Пхенчан сквозь толпу протиснулся кореец, огорошивший членов экспедиции обращением «Здравствуй, капитана». Оказалось, он около пяти лет жил в Южно-Уссурийском крае.

«Поболтав немного, кореец куда-то убежал, а затем явился с чашкой свежего меда... В общем, он так обрадовался прибытию русских, что почти всю ночь просидел у костра с дежурными казаками, а на другой день вместе со стариком отцом проводил нас за деревню» [Там же].

В другой раз на месте ночевки, в деревне рядом с Сеулом, казаки на улице устроили чехарду. Посмотреть на это сбежалась почти вся деревня, «а спустя некоторое время многие из зрителей приняли участие в игре. “Вали, братцы”, – кричал им Чугуевский и при этом учил и поправлял. Хохот, крики, шум наполнили деревенскую улицу» [РГВИА, ф. 274, оп. 1, д. 49. л. 57об.].

Во-вторых, деловой этикет и внутrigосударственной, и межгосударственной коммуникации конца XIX в. и в Китае, и в Корее предусматривал обязательный обмен визитами приехавших и местных чиновников. Если социально значимое лицо, обладающее официальным статусом, появлялось в городе или населенном пункте, где находились чиновники, проехать инкогнито было невежливо. Программа-максимум предусматривала обмен визитами, программа-минимум – обмен визитными карточками.

Это был обязательный ритуал с нюансами и полутонами, в котором было важно все: от места, где пребывающих встречали местные чиновники, до места, где их провожали; в рамках данного текста мы

не будем подробно останавливаться на этом сюжете, но отметим, что подобная символическая коммуникация была частью повседневности работы экспедиции. В «корейской экспедиции» в целях экономии времени Соковнин старался избегать ответных визитов местным чиновникам, «а отправлял с чиновником свою карточку» [Там же, л. 12об.]. Однако иногда встреч избежать было невозможно. Визит проходил по устоявшейся схеме – легкая закуска, вино, чай, обмен любезностями, непринужденная беседа, прощание.

Таким образом, можно констатировать, что несмотря на существенные различия в организации, целях и задачах экспедиций, продуцируемая во время путешествия повседневность была типологически сходной, так как это повседневность, постоянно сталкивающаяся с новым, это всегда вызов, соприкосновение с «чужим», порождающее необходимость быстрого и самостоятельного принятия решения в силу невозможности предусмотреть и регламентировать все возникающие ситуации.

Бойкова Е. В. Российские военные исследователи Монголии (вторая половина XIX – начало XX века). М.: ИВ РАН, 2014.

Нилус Е. Х. Исторический обзор Китайской Восточной железной дороги. Харбин, 1923. Т. 1.

Пржевальский Н. М. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-Нор по бассейну Тарима. СПб.: Рус. геогр. о-во, 1888.

Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы Анналов к российской философской школе // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2014. № 1. С. 7–21.

Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 274. М. А. Соковнин.

УДК 930.253

А. Н. Торопов
Уральский федеральный университет
г. Екатеринбург

МАТЕРИАЛЫ ПО ИСТОРИИ ЗАВОДСКОГО ХОЗЯЙСТВА ЯКОВЛЕВЫХ НА УРАЛЕ В ГОСУДАРСТВЕННОМ АРХИВЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ

Статья посвящена характеристике материалов по истории заводского хозяйства Яковлевых в Государственном архиве Пермского края. В этом архиве хранятся документы по данной теме второй половины XVIII – начала XX века.